

Глава 9

Ссутулившись над шахматной доской из черного и белого мрамора, Делун Дай изучал сложную позицию в партии из недавнего мирового чемпионата. Обе стороны тщательно развернули свои фигуры, и обеим недоставало по ладье, коню, слону и три пешки, которые они разменяли в предыдущих стычках. Каждая фигура, от ферзей до последней пешки, была кропотливо размещена так, чтобы и наступательный, и оборонительный ее потенциалы достигли максимума.

Во внешности худого Дайа с оливковой кожей и черными волосами обращали на себя внимание глубоко запавшие глаза, казавшиеся посаженными чересчур близко друг от друга, и очень маленький острый нос.

- Мат на восьмом ходу из этой позиции, - объявил он приближающемуся мускулисту русскому. - Душек прозевал это в Хельсинки и, в конце концов, проиграл. Садись, Николай, - Дай указал на стул по ту сторону дубового столика.

Николай Чириков так и поступил. Он был уже немолод, хотя ни на его физической форме, ни на мускулатуре это никак не сказалось. Послужив в спецназе, Николай начал взбираться по служебной лестнице в КГБ, но политические и социальные неурядицы в России казались нескончаемыми, и он решил, что оставаться альфа-волком в стране волков куда проблематичнее и куда менее прибыльно, чем стать альфа-волком среди американских баранов. Прибыв в Китай десять лет назад, он ни разу даже не оглянулся. И теперь вел декадентскую жизнь в роскоши. Еда лучше, погода лучше, больше развлечений на выбор, разве что шлюхи в России были получше, да и то в среднем, а у него хватало денег, чтобы компенсировать этот изъян.

На тот факт, что его фамилия Чириков звучит, как американское жаргонное jerk off, то бишь «дрочила», ему указывали несколько раз по прибытии, но всякому из наблюдательных остряков довелось тут же отведать вкус собственной крови. Не провел он здесь и полугодом, как весточка разлетелась в кругах, в которых он вращался, и никто уже этой ошибки не повторял. Несмотря на это, в первый же год в Китае он принял решение представляться просто по имени, Николаем, и через какое-то время большинство народу вообще позабыли, что у него есть фамилия. Репутация его мало-помалу крепла, и вскоре всякий, кто надо, при имени «Николай» сразу понимал, о ком речь, и фамилия ему была нужна ничуть не больше, чем Моисею, Платону, Рембрандту или Элвису.

У Николая были прирожденные способности к языкам, и вскорости он говорил по-китайски совершенно свободно - даже мог выдавать себя за коренного американца, как американские актеры могут говорить с нарочитым русским акцентом, буде роль этого потребует. Произношение его было не безупречным, но носители языка просто предполагали, что у него трудноопределимый акцент одного из округов.

Дай нанял его двумя годами ранее возглавлять на разных заданиях различные команды людей, конкретные личности которых ему когда раскрывали, а когда и нет. Оплата была замечательная, равно как и качество поддержки, так что Николай был весьма доволен.

Он толком не знал, долго ли еще продержится в роли наемного работника Дайа, однако полагал, что, когда придет время развода, тот окажется очень неряшливым. Дай чрезвычайно дотошно обустроивал все так, чтобы все ниточки тянулись к Николаю, а не к нему. И лишь русский знал, что дергает за эти ниточки как раз Дай. Для всех остальных последний был призраком - ни слуху, ни духу.

И притом он куда больший психопат, чем сам Николай. А это что-нибудь да значит. А может, просто чокнутый... хотя Дай ни разу это не обсуждал, Николай был уверен, что по части шахмат тот дока и мог бы запросто стать международным гроссмейстером, надумай он показать себя в этой игре.

Над шахматным столиком висел обрамленный плакат с фотографией шахматной доски с золотыми и серебряными фигурами в окружении знаменитых шахматных афоризмов наподобие «Когда видишь хороший ход, ищи еще лучший», якобы выданный однажды каким-то там Эммануилом Ласкером. Николай не сомневался, что два излюбленных высказывания Дайа принадлежат американцу Бобби Фишеру. Первое: «Я люблю момент, когда ломаю эго человека», и второе: «Шахматы – это война на доске. Цель – сокрушить рассудок противника».

Любимая же цитата Николая принадлежала русскому – Боголюбову, но любил он ее не за русское происхождение. Вернее, не только за происхождение, но и за стоящее за ней игривое высокомерие, всегда вызывавшее у него улыбку. «Когда я играю белыми, то выигрываю потому, что играю белыми. Когда я играю черными, то выигрываю потому, что я – Боголюбов».

Николай уставился через столик на чрезвычайно опасного человека. Человека, к которому проникся уважением за блестящий стратегический ум. И хотя блестящее стратегическое мышление зачастую не имеет к жизни ни малейшего отношения, в случае Дайа это было не так.

Но зачастую между гением и безумием проходит весьма тонкая грань, как доказали на протяжении истории люди вроде Бобби Фишера, Унабомбера и несметного множества других. Николай чувал, что лишь вопрос времени, когда ее пересечет Дай – если еще не пересек.

Сейчас его работодатель тер виски, пребывая даже в более сумрачном настроении, нежели обычно, словно был готов отрывать головы мелким животным голыми руками. А может, зубами. Слава о его безжалостности затмевала даже славу Николая, так что русский великан чувствовал себя необычайно напряженно, когда аура Дайа доходила до такой интенсивности леденящей, бездонной тьмы черной дыры.

- Ты наносишь редкий личный визит, Николай, – начал его жилистый босс. – Так, дай угадаю... Ник Винх еще жив.

Николай кивнул.

- Сведения по нему готовил ты, так что и спрашивать буду лично с тебя. Что ты прогляпил?

Русский великан покачал головой.

- Последний час я посвятил проверке своей работы. Я ничего не упустил. У него степень доктора в области биологии моря. И точка. Никаких данных о военной или какой-либо иной выучке в области самообороны. Оружием никогда не владел. Четыре года назад его остановил пацан с «пером», и он не оказал сопротивления.

Дай вперился в посетителя нечеловечески пристальным взглядом.

- И все же прорвался сквозь густую сеть твоих наемников.

- Покамест, – признал Николай.

- Последние известия?..

- Мы загнали его в угол, но он выскользнул. И мы потеряли его из виду.

- Он по-прежнему за рулем машины Ли?

- Когда его видели в последний раз, он проскочил на ней поперек через несколько полос, как какой-нибудь каскадер. Кассела пальнул по нему, но не остановил, а преследовать не позволила ситуация.

- Если Винх в известной нам машине, объясни, зачем нам его видеть.

Николай выдержал его взгляд, не моргнув.

- Мы вот-вот узнаем ее GPS-координаты, но пока не знаем. Скоро, Делун. Очень скоро. Как и большинство людей его... нашего рода деятельности, Ли в доску расшибался, чтобы отследить его машину было непросто. Но мы уже близко. С минуты на минуту.

- Близко - не годится, - процедил Дай сквозь сцепленные зубы. - Винх мог уже запросто бросить машину.

- Да. Мог. Но не бросил, уж поверь.

- Почему? Потому что тебе кажется, что ты знаешь, кто он такой? Ты разве только что не убедился, что не знаешь? Да, если он соответствует предоставленному тобой портрету беспомощного морского биолога, ты прав. Ему и в голову не придет, что ездить на машине Ли опасно, даже если он считает, что улизнул от преследования вчистую. Ему вовек не угнать другую. Он будет не в своей тарелке. Но учитывая, что он уже отчебучил, мне в это как-то не верится.

- Не вечно же ему будет везти.

- Я не верю в везение.

- Мы его достанем, - отрезал Николай с абсолютной убежденностью.

- Уж постарайся. И побыстрей. Предложи еще сотню косых сверх того, что уже предложил счастливчику, который его прикончит. Если Винху удастся отдышаться и начать говорить, это будет очень... несподручно для меня.

Николай угрюмо кивнул. Ему хорошо платят и ни в чем не ущемляют. В то время как Дай жил аскетично, словно монах, насколько можно судить, посвящая весь свой досуг игре в шахматы, Николай жил, как король, в огромном доме с крытым бассейном и всеми женщинами, каких только мог пожелать. Но русский ни капельки не сомневался, что все причиненные ему неудобства Дай переадресует на него в десятикратном размере. И это будет очень-очень скверно.